

Фольклористика

Научная статья

УДК 784.4=398.8(811.511.152)

DOI 10.17223/18137083/96/1

Песни об умирающей дочери в мордовских традициях автохтонного и сибирского бытования: мотив, сюжет, жанр

Павел Сергеевич Шахов

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Аннотация

На основе опубликованных и архивных разновременных материалов рассмотрены эрзянские и мокшанские песни автохтонного и сибирского бытования, в тексте которых встречается поэтический мотив *девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время*. Описана структура мотива, сочетание его элементов в мордовских народных песнях, проанализирован сюжетно-мотивный состав двух групп песен, в которых реализованы разные принципы изложения событийного ряда – повествовательный и кумулятивный, выявлены их жанровые особенности. Установлена сюжетная основа повествовательной группы песен по указателям Аарне (709 «Мертвая царевна») и Березкина – Дувакина (K129 «Заколдованная оживлена»), отмечена семантическая трансформация мотива в песнях кумулятивного типа. Охарактеризованы сибирские варианты текстов, относящиеся ко второй группе песен.

Ключевые слова

мордовские песни, поэтика, мотив, сюжет, жанр

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0002: «Устные традиции народов Сибири и Дальнего Востока: документирование и комплексное изучение»)

Для цитирования

Шахов П. С. Песни об умирающей дочери в мордовских традициях автохтонного и сибирского бытования: мотив, сюжет, жанр // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 9–26. DOI 10.17223/18137083/96/1

© Шахов П. С., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 9–26
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 9–26

Songs about a dying daughter in the Mordovian traditions of autochthonous and Siberian existence: motif, plot, genre

Pavel S. Shakhov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Abstract

Drawing upon published and archival sources from various historical periods, this study examines Erzya and Moksha folk songs in both their autochthonous and Siberian circulation. The analysis focuses on texts featuring the poetic motif of a young woman who, facing illness, informs a relative of her impending death at a predetermined time. The structural anatomy of this motif is described, revealing three core elements: the girl's illness, the prediction of her death, and the temporal circumstance of her passing. Specific patterns of compatibility among these motif elements are established within Mordovian folk songs. The texts analyzed are systematically categorized into two distinct plot groups, detailing their plot-motif composition and overarching genre-thematic content. The plot basis of the first group is identified as "The Dead Princess" (type 709 in the Aarne-Thompson index) or "The Enchanted One is Revived" (type K129 in the Berezkin-Duvakin catalog). Conversely, the second group demonstrates a significant semantic transformation, with the death prediction motif evolving into a leitmotif centered on the daughter's feigned illness. The study characterizes the Siberian song variants of this second group, establishing structural parallels with the autochthonous tradition. A structural analysis reveals that the investigated motif serves as a common indicator of an initial "lack" in the narrative. In each storyline, this lack is resolved according to the internal logic of plot development, relying on differing methods of organizing the event sequence, specifically, narrative and cumulative structures. These methods form two compositional types of song lyrics, characterized by highly distinct genre and thematic content.

Keywords

Mordovian songs, poetics, motif, plot, genre

Acknowledgements

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0002: "Oral Traditions of Peoples of Siberia and the Far East: Documentation and Comprehensive Study")

For citation

Shakhov P. S. Pesni ob umirayushchey docheri v mordovskikh traditsiyakh avtokhtonno i sibirskogo bytovaniya: motiv, syuzhet, zhanr [Songs about a dying daughter in the Mordovian traditions of autochthonous and Siberian circulation: Motif, plot, and genre]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2026, no. 3, pp. 9–26. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/1

Введение

При изучении разных жанров песенного фольклора перед исследователями стоят задачи, связанные с освещением многочисленных аспектов жанровой системы фольклорной традиции этноса. Так, в исследовании песенных текстов приуроченных жанров особое место занимает фольклорно-этнографический / музы-

кально-этнографический подход, позволяющий системно описать многоуровневый контекст бытования песен семейной и календарной обрядности, песен, связанных с движением.

При изучении неприуроченных песен целесообразно обращение к филологическим методам анализа текстов с учетом их образно-тематического, сюжетного и мотивного строения, а также других уровней организации поэтического текста (звукового и словесного), согласно общей поэтике.

Как отмечают исследователи, методологический аппарат филологического анализа фольклорных текстов, как и содержание ключевых категорий «сюжет – мотив», в большей степени разработаны на основе изучения повествовательных жанров [Виноградова, 2022, с. 156; Силантьев, 2024, с. 15]. Учитывая, что в мордовском фольклоре особое место занимает повествовательный характер изложения песенного материала [Кондратьев, 2020, с. 13; Шахов и др., 2024], считаем возможным для анализа поэтических песенных текстов использовать традиционные понятия сюжета и мотива, а также термины, предложенные исследователями песенной лирики Г. И. Мальцевым (традиционная формула, формульная тема), А. Т. Хроленко (песенная ситуация) и др.

Настоящая статья посвящена рассмотрению группы эрзянских и мокшанских песен автохтонного и сибирского бытования, в текстах которых встречается устойчивый поэтический образ умирающей дочери.

Материал исследования

Из опубликованных и архивных источников для анализа отобраны 27 песенных текстов, сведения о которых представлены в табл. 1, демонстрирующей широкий географический ареал распространения песен в различных субэтнических (18 эрзянских, 9 мокшанских – в таблице Э и М, соответственно) и региональных традициях как на территории Республики Мордовия (песни 5–9, 19, 22), так и за ее пределами: в населенных пунктах ныне Пензенской (20), Саратовской (4, 10–12, 15), Самарской (1, 2, 18) областей, а также на территории Сибири в Кемеровской области (16, 26), Алтайском (21, 27) и Красноярском (13) краях. Номера песен из табл. 1 используются в статье в качестве ссылок.

Анализируемые песенные тексты записаны собирателями в разное время: первая известная публикация М. Попова датирована 1830 г. (20), тексты начала XX в. опубликованы А. А. Шахматовым в «Мордовском этнографическом сборнике» (4, 10–12, 15), тексты из томов серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» записаны в 1920–1960-е гг. И. С. Позднеевым (Сибиряком) (13, 26), А. Д. Шуляевым (19), Ф. А. Марковым (1), В. В. Антясовой (22) и другими собирателями. В корпусе также представлены тексты, записанные в 1950–1980-е гг. музыковедами Г. И. Сураевым-Королевым (8), Н. И. Бояркиным и Л. Б. Бояркиной (2, 5, 7, 18) и опубликованные в нотных изданиях, а также архивные записи 1970–1980-х гг. Э. Н. Таракиной (21) и В. Б. Русяйкина (16, 27).

Следует отметить, что некоторые используемые для анализа тексты песен, собранные М. Е. Евсевьевым и опубликованные в 1882 (3, 23–25) и в 1928 (14, 17) годах, не имеют должной паспортизации, тем не менее они добавлены в источниковую базу, так как представляют интерес для изучения сюжетно-мотивного состава рассматриваемой группы песен. Корпус песенных текстов впоследствии

Таблица 1

Сведения о песенных текстах

Table 1

Information about the analyzed texts

Номер песни	Этнос	Место записи	Год записи	Источник
1	Э	с. Старый Байтермиш, Клявлинский р-н, Куйбышевская обл.	1956	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Общ. ред. И. К. Инжевато-ва, Э. В. Померанцевой. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 1, кн. 1: Эпические и лиро-эпические песни. С. 229–232.
2	Э	с. Багана, Шенталинский р-н, Самарская обл.	1985	Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования / Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. С. 172–174.
3	Э	–	–	Образцы мордовской народной словесности. Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1882. Вып. 1: Песни на эрз. и некоторые на мокш. наречии. С. 8–12.
4	Э	с. Сухой Карбулак, Саратовская губ.	1905–1906	Мордовский этнографический сборник / Сост. А. А. Шахматов. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 562–564.
5	М	с. Большой Уркат, Ельниковский р-н, МАССР	1975	Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования / Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. С. 178–181.
6	М	Булдыгинский аймак, Зубово-полянский р-н МАССР	–	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Общ. ред. К. В. Чистова, Л. С. Кавтаськина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. С. 168–169.
7	М	с. Левжа, Рузаевский р-н, МАССР.	1975	Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования / Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. С. 175–177.

Продолжение табл. 1

Номер песни	Этнос	Место записи	Год записи	Источник
8	М	Колхоз «Красная Мордовия» (пос. Красный, Мигачевка, Уржа), Старошаиговский р-н, МАССР.	1954–1961	Мордовские народные песни / Сост., муз. ред. и авт. предисл. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. С. 47–48.
9	М	Мамолаевский аймак, Ковылкинский р-н, МАССР.	–	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Общ. ред. К. В. Чистова, Л. С. Кавтаськина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. С. 48–49.
10	Э	с. Оркино, Саратовская губ.	1905–1906	Мордовский этнографический сборник / Сост. А. А. Шахматов. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 446–449.
11	Э	с. Оркино, Саратовская губ.	1905–1906	Там же, с. 434–436.
12	Э	с. Сухой Карбулак, Саратовская губ.	1905–1906	Там же, с. 556–557.
13	Э	г. Норильск, Красноярский кр.	1960	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Сост., коммент., указ. И. С. Сибирика (Поздеева). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. С. 133.
14	Э	–	–	Эрзянь морот / М. Е. Евсеев. М., 1928. С. 48–50.
15	Э	с. Сухой Карбулак, Саратовская губ.	1905–1906	Мордовский этнографический сборник / Сост. А. А. Шахматов. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 553–555.
16	Э	с. Павловка, Ленинск-Кузнецкий р-н, Кемеровская обл.	1983	Научный архив НИИГН. Ед. хр. Л-836. Т. 1. Л. 94–99.
17	Э	–	–	Эрзянь морот / М. Е. Евсеев. М., 1928. С. 54–55.

Окончание табл. 1

Номер песни	Этнос	Место записи	Год записи	Источник
18	Э	с. Большой Толкай, Похвистневский р-н, Самарская обл.	1984	Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования / Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. С. 243–244.
19	М	с. Перхляй, Рузаевский р-н, МААСР.	1963	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. Т. 2: Лирические песни. С. 211–212.
20	М	Пенза [с. Селикса Пензенской губ.]	[1830]	Сын Отечества и Северный архив. СПб., 1830. Т. 16. С. 115–117.
21	М	с. Камышинка, Залесовский р-н, Алтайский кр.	1975	Научный архив НИИГН. Фонозаписи Э. Н. Таракиной
22	М	с. Алексова Инсарский р-н, МАССР	1956	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Общ. ред. К. В. Чистова, Л. С. Кавтаськина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. С. 218–219.
23	Э	–	–	Образцы мордовской народной словесности. Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1882. Вып. 1: Песни на эрз. и некоторые на мокш. наречии. С. 116–119.
24	Э	–	–	Там же, с. 80–82.
25	Э	–	–	Там же, с. 200–205.
26	Э	с. Рождествено, Лечеставский р-н, Кемеровская обл.	1924	Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Сост., коммент., указ. И. С. Сибирика (Поздяева). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. С. 140.
27	Э	с. Борисово, Залесовский р-н, Алтайский кр.	1986	Научный архив НИИГН. Ед. хр. Л-837. Т. 2. Л. 17–20.

может быть расширен за счет добавления источников, в том числе опубликованных без перевода на русский язык, включая материалы рукописного фонда Научного архива НИИГН при Правительстве Республики Мордовия.

Структура поэтического мотива

Структуру рассматриваемого песенного мотива можно описать следующим образом: *девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время*. В большинстве случаев мотив состоит из трех элементов: болезнь девушки, предсказание смерти и обстоятельство времени. Приведем один из примеров текстовой реализации мотива (4):

Болезнь девушки	<i>Кулы ормасы, лялькай, зэредян, Юми ормасы, лялькай, марятян Я больна, старший братец, смертным недугом, Я чувствую, старший братец, погибельный недуг.</i>
Предсказание смерти	<i>Кулан, лелякай, гулан, горьмакай. Я умру, старший братец, я умру, кормилец.</i>
Обстоятельство времени	<i>Кулан, лелякай, Бетровонь пине. Я умру, старший братец, на Петров день.</i>

Субъектом мотива умирающей девушки выступает дочь или сестра (агенс). Предикат (действие) выражен глаголом будущего времени, определяющим предсказываемое событие – *кулан* ‘я умру’ / *ёман, юман* ‘я пропаду, я погибну’ (в глагольных формах эрзянского и мокшанского языков суффикс *-н* в безобъектном спряжении является показателем 1-го лица единственного числа).

Адресатом чаще всего выступает отец (2, 3, 10, 11, 15–17, 19–21, 23–26), а также мать (5, 22), оба родителя (1, 13, 14) или старший брат (4, 18) девушки.

Субмотив болезни девушки представлен в 13 песенных образцах: девушку сглазили, она семь лет болела / чахла (16), болеет / страдает смертным / погибельным недугом, тяжелой болезнью (3–5, 11, 13, 16, 22, 23, 25), смерть / погибель ходит за ней (13); вечером / утром головушка болит (21), ручки в браслетах / пальчики в кольцах больные (7); постель ее вровень с окном, изголовье ее вровень с полкой (13), в три бревна постель под нею, из утиных перьев подушка под головою (5), белую кошму / барашковую шубу сгноила, пуховую подушку залила следами (16).

Также характерным для мотива об умирающей девушке является указание на обстоятельство времени предсказываемой смерти (отмечено в 13 образцах), связанное с большими праздниками (Петров день, Пасха / день Шкай-Паса, Троица), днями недели (понедельник, воскресенье), временем суток (обед, полдень), православными богослужениями (заутреня, обедня), традиционными обрядами (дни годовичных молян, моление), принятием ритуальной пищи (когда голову барана принесут, как станут угощаться бараниной):

Петров день	в Петров день (4), в Петров день, во время обедни (16), в Петров день – в понедельник (17), в Петров, в первый же денечек, когда голову барана принесут при молении (5), в Петров день, в самый обед (1, 19), в обеденное время, в дни годовичных молян, как станут угощаться бараниной (19), чуть раньше обедни, чуть позже заутрени (1), в Петров день, ровно в полдень, во время обедни (2)
-------------	--

Пасха	на Пасху в первый день, после заутрени, перед обедней (27), в первый день Пасхи (23), в день Пасхи, в день Шкай-Паса, перед обедней, после заутрени (10, 11)
Троица	в троицын день, в красивую пору (22)
Воскресенье	завтра [в воскресный день] (3)

Основной мотив предсказания смерти может функционировать самостоятельно (15, 18, 20, 24, 26), но чаще всего объединен с субмотивом болезни (13, 14, 21, 25), с обстоятельством времени (1, 2, 10, 19, 27) или составляет трехкомпонентную целостную структуру (3–5, 11, 16, 17, 22, 23). В табл. 2 отражена сочетаемость мотивных элементов.

Таблица 2

Сочетаемость элементов мотива

Table 2

Compatibility of the motif elements

Номер песни	Болезнь девушки	Предсказание смерти	Обстоятельство времени
15		+	
18		+	
20		+	
24		+	
26		+	
13	+	+	
14	+	+	
21	+	+	
25	+	+	
1		+	+
2		+	+
10		+	+
19		+	+
27		+	+
3	+	+	+
4	+	+	+
5	+	+	+
11	+	+	+
16	+	+	+
17	+	+	+
22	+	+	+
23	+	+	+
7	+		

В одном из образцов (7) мотивные элементы «предсказание смерти» и «обстоятельство времени» отсутствуют, однако сохранен субмотив болезни девушки. В некоторых образцах (6–9, 12) мотив полностью редуцирован, но эти песни свя-

заны с общим корпусом анализируемых текстов другими компонентами песенной мотивики.

Рассмотренный поэтический мотив как предикат художественного повествования имеет потенциал дальнейшего развития сюжета, которое складывается по-разному: выстраиваются различные событийные ряды и контексты, а основной мотив выполняет разные функции в сюжетостроении песенных текстов. Далее проанализируем сюжетно-мотивный состав двух групп песен, в которых функционирует рассмотренный выше песенный мотив¹.

Первая сюжетная группа песен. В данной группе песен мотиву *девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время* предшествует тематический блок о сватовстве девушки. Сваты чаще всего богатые люди: татарский парень ухаживает за девушкой, барину / купцу она понравилась (1), за ней ходят сваты (4), ее сватают богатые / зажиточные и бедные / скудные (2), ее сватают сваты русские, не дальние, не близкие, самые разбогатые, люди славные (8), ее сватают не из дальних / не из близких мест, под небом самые славные, на земле первые люди (7), ее сватают сваты деревенские сотники, сваты богатые, на всю округу славные (9), ее сватают все богатые / богачи / славно живущие, отец девушки ругается, мать поддакивает, что выдаст, пропьет дочь богатому (6), отец ее пропивает, мать ее выдает (5).

При этом девушка просит не выдавать ее замуж: не сватать (4), отказать в сватовстве (8), не пропивать / не отдавать (5, 6, 9), не сватать / не отдавать (7), не губить / не заставить плакать пригожего мокшанина / мокшанского парня (7), не разорять дом богатого, не доводить до слез сына богатого (5), не сватать за боярина / за купца (1), не отдавать за богатого / зажиточного – у богатого много работы / заботы, вечерняя / утренняя роса *палю / руцю* испачкает, не отдавать за бедного / скудного – нет хлеба поесть, нет соли лизнуть, хлеб ест взаймы, из чужого сусека (2), у богатых много работы / заботы – каждый день хлеб, через день квас, раз в неделю / каждое воскресенье брагу / позу (7–9), гостей каждый день провожать-встречать (8), всем богатым не угодить, работы не переделать (9), той работы не выдержит (7).

Таким образом, в ряде рассмотренных вариантов мотив болеющей девушки, предсказывающей свою смерть, является ответом дочери, не желающей выходить замуж. После этого дочь просит отца подготовить ее к погребению, давая императивные наставления, касающиеся следующих реалий:

Гроб,	Просит отца пойти в Спасск на базар (6), на городской базар (10),
крест,	в пятницу на базар / ярмарку (14) и купить гроб (6, 14), <i>золотой</i>
могила,	гроб (10), <i>хрустальные</i> досочки, <i>серебром</i> облитые, <i>железом</i> око-
тело	ванные, гвоздями схваченные (7), <i>серебром</i> покрыть гроб, <i>медью</i>
	обить крест, <i>позолотить</i> доски над подушкой (1), в <i>серебро</i> об-

¹ Л. С. Кавтаскин в неопубликованной работе 1947 г., посвященной классификации эрзянских необрядовых песен, из большого массива опубликованных и рукописных материалов в разделе «Песни-сказки» выделил цикл песен «о дочери (Кемаль, Витова, Микитань Куля, Оляша и т. д.), которая заявляет отцу, что она “болеет смертельной болезнью”, умрет в петров день или первый день пасхи – между заутренями и обеднями». Здесь же он наметил предварительное разделение данного цикла на две группы песен, в первой из которых имеется «больше сказочных элементов» (Кавтаскин Л. С. К классификации мордва-эрзянских народных песен (необрядовых). Тетрадь № 1. Саранск, 1947. Рукопись. Научный архив НИИГН. Инв. № 546. Ед. хр. 9. Л. 254–256).

	макнуть гроб, из <i>золота</i> сделать подпорки (3), не делать соснового гроба, а сделать гроб из сердцевины дуба (4), гроб сделают из старой сосны, из сердцевины сосны, просит бока засыпать <i>медными</i> деньгами, верх – <i>серебряными</i> (11), не ставить дубового креста, а поставить <i>медный</i> крест, покрытый <i>серебром</i> , издали светится, вблизи блестит (4), могилу покрыть <i>серебром</i> , кевбарморкс [могильный камень] покрыть <i>золотом</i> , заметными / большими метками, впечатать <имя> (2), просит не звать баб мыть тело, а позвать подружек, не звать стариков нести гроб, а позвать молодых парней (10).
Место	Не хоронить на кладбище (4, 2, 1, 10, 11), внутри сельской ограды (1), отнести на перекресток большой дороги (10), похоронить на перекрестке трех дорог (4, 5, 2, 1, 7), одна дорога ведет в Москву, вторая – в Казань, третья – в Яикскую землю (1), возле большой дороги (1, 3, 11, 25), на Петровской дороге (4), возле Симбирской дороги (3), на холме у села Суркина (1), на мурзаевом поле, у изголовья посадить пушистую яблоню (7), просит подвесить к козелкам колокольчик, кто пройдет – ударит (25), много ходящих / проходящих, глаза позарятся, сердце полюбуется (3), нищие будут проходить, класть кусочками, господа – <i>медью</i> , купцы – <i>серебром</i> (4).
Тип захоронения	Не хоронить / не зарывать в черную землю, из которой родилась (3), положить в землю ниже пояса, оставить наружу выше пояса (4), положить в могилушку среди качающихся берез (6), положить на вершину березы (10), похоронить на старом дубе (11).

В данном тематическом блоке общим местом является использование триады ‘медь, серебро, золото’ в качестве типовых эпитетов для обозначения предметов или локусов, связанных с захоронением², также упоминаются деревья (гроб из сердцевины дуба, сосны) и реликтовые формы воздушного погребения (на вершине березы, на старом дубе). Данные песенные тексты являются фольклорным свидетельством (наряду с этнографическими и археологическими данными), подтверждающим бытование у древней мордвы наземно-воздушных погребений [Корабельников, 2008; Рогачев, Ваганова, 2025].

Некоторые песни завершаются просьбой дочери похоронить ее на перекрестке трех дорог, у большой дороги (5–7, 11, 14), в других песенных образцах (1–4, 10) имеется дальнейшее сюжетное развитие повествования, связанного со смертью девушки, погребением (1) и ее чудесным оживлением в духе волшебного-фантастического сказок.

По дороге едут отец с сыном, – купчик скачет, отец с сыном (4), бары / купцы, сын с отцом на тройке (1), зубовские купцы, отец на 5 парах, 10 конях и сын на 6 парах, 12 конях (3), – барин с кучером (10) или боярский обоз с боярским сыном / хозяйским сыном (2). Издали они видят пылающее солнце, вблизи – девушку (2), сын с отцом (барин с кучером) спорят, что сверкает, блестит: если клад

² Значимость традиционной триады подчеркивается наличием отдельного фольклорно-мифологического мотива К38Е «Медное, серебряное, золотое», который выделен в качестве единицы аналитического каталога Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина.

(1, 4) / казна, деньги (3, 10), пусть твой будет, если Кемалья (1), девушка (3, 4), гроб (10), то пусть моей будет.

Приблизившись к захоронению, сын с отцом подставочки сваливали, гроб снимали (3), опустили на землю (10), раскрыли (3), приподняли доску, там сидит Кемалья (1), красавица Пелагея (10), у Кемельти как свечки горят глаза, рот улыбается (4), там мертвый человечушко, в руках писаная бумага, стали смотреть / читать: 'Девушка-то хороша Кемаль, девушка-то добра Кемаль' (3).

В последующем сюжетном фрагменте выражен мотив чудесного оживления девушки и ее брака: барский сын взял за руку девушку, в объятья принял, к повозке принес, в Казань привез, женою назвал (1), парень слез с лошади, Кемельтю взял за руку, в повозку посадил, домой привез (4), барин дернул Пелагеино колечко, сказал: вставай, что ты долго спишь, девушка просит его идти к родному отцу (10).

Мотив чудесного оживления девушки мужским персонажем высокого статуса является ключевым составным элементом известного сказочного сюжета, нашедшего отражение в разделе «Волшебные сказки» указателя по системе Аарне № 709 «Мертвая царевна»³, в сравнительном указателе по восточнославянской сказке № 709 «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)»⁴ и в аналитическом каталоге Березкина – Дувакина К129 «Заколдованная оживлена»⁵.

Данный сюжет, имеющий широкое распространение, также характерен для эрзя-мордовской сказочной традиции. В волшебнo-фантастической сказке «Яга-Баба ды тейтерне» (Баба-яга и девочка) [Евсеев, 1964, с. 266–267, № 37] имеются прямые параллели с рассмотренными нами песенными текстами: серебряный гроб; воздушное захоронение; спор барина с сыном (если казна будет – твоя будет, если девушка будет – моя будет); оживление девушки и женитьба сына барина на ней⁶.

Авторы комментариев к текстам М. Е. Евсеева заметили, что варианты песни с развернутым сказочным сюжетом, в котором девушка оживает, поднимается из гроба и становится женой богатого купца или боярина, относятся к типичным образцам сказок-песен [Евсеев, 1963, с. 492], включенных в жанровую систему мордовского фольклора.

³ Злая мачеха приказывает убить красавицу-падчерицу; она спасается и живет у разбойников (у карликов и т. п.); мачеха трижды отравляет ее; девушку кладут в гроб, ее видит царевич, берет гроб к себе, она оживает [Андреев, 1929, с. 50].

⁴ Узнав с помощью волшебного зеркальца, что краше всех на свете не она, а падчерица, мачеха приказывает убить ее, та спасается и живет в лесу у семи братьев (разбойников); мачеха выслеживает ее и отравляет; девушку кладут в прозрачный гроб, ее видит царевич и влюбляется; она оживает [СУС, 1979, с. 179].

⁵ (Из-за козней антагонистки) девушка впадает в глубокий обморок, но нетленна. Мужской персонаж высокого статуса (это брачный партнер или кровный родственник девушки) ее оживляет. См.: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 10.06.2026).

⁶ Краткий пересказ эрзя-мордовской сказки «Яга-Баба ды тейтерне» (Баба-яга и девочка) цит. по каталогу Березкина – Дувакина: девочки пошли за ягодами, одна заблудилась, зашла в пустой дом, прибрала; там живут воры; старший: пусть будет сестрой; она стала хозяйкой; Баба-яга узнала, повязала девочке пояс, та умерла; воры его развязали, девочка ожила; то же – бусы на шею; сережки; воры положили девочку в серебряный гроб, повесили на сосне; барин с сыном увидели гроб, сняли его, сняли сережки, девочка ожила, сын барина на ней женился. См.: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация...

Рассмотренные нами песни с развитым сказочным сюжетом, включающим мотив чудесного оживления девушки, относятся к эрзянской фольклорной традиции. В мокшанских песнях анализируемого корпуса мотив чудесного пробуждения / оживления не зафиксирован. Тем не менее имеется фрагмент мокшанского текста песни-сказки, не включенный в анализируемый корпус, с мотивом чудесного оживления девушки, что свидетельствует об общности древних пластов песенного творчества субэтнических групп мордовского народа [Евсевьев, 1963, с. 514, № 158], с некоторым статистическим преобладанием эрзянских материалов.

К 1-й группе также примыкают варианты песни о девушке, заговорившей в утробе матери (11, 12), в большей степени связанные с песнями о парне, проклятом родителями и обещанном болезни (отца не называл «батюшкой», мать – «матушкой»).

Итак, для песен 1-й группы исследуемый нами мотив повторяется однократно и встраивается в следующую сюжетную схему:

- 1) сватают девушку богатые люди, она просит не выдавать ее замуж;
- 2) девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время;
- 3) дочь дает наставление отцу о своем погребении (купить гроб на базаре, похоронить на перекрестке трех дорог);
- 4) боярский сын спорит с отцом, оживляет девушку и забирает себе.

По всей видимости, данная сюжетная группа песен также может рассматриваться в контексте укорененной в мордовской традиционной культуре глубокой связи свадебного обряда и похоронного ритуала как значимых обрядов перехода, о чем свидетельствуют развитая традиция причитаний в мордовской свадьбе, описанный исследователями феномен «свадьбы по умершей», распространенный у эрзи и мокши [Рогачев, 2011], а также распространенность у мордвы песен с сюжетом о смерти невесты перед свадьбой (например, «Матрюша», «Сюмерьге»). В этом отношении показательна приуроченность к свадебному обряду части песен из 1-й сюжетной группы (6, 9), а также фрагменты песенного текста, например: дочь просит, чтобы ее тело обмывали не старухи, а молодые девушки, несли гроб не старики, а молодые парни (10).

Вторая сюжетная группа песен включает 13 образцов, 5 из которых (15, 18–20, 24) начинаются с рассматриваемого нами мотива *девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время*. В других вариантах этот мотив предваряется кратким описанием хорошей, красивой девушки (21–23), которая удалась рождением (16, 17), является единственной дочерью отца, у которого три жены (26, 27).

Важным отличительным признаком 2-й сюжетной группы песен является многократное повторение исследуемого мотива, который приобретает черты лейтмотива, повторяющегося пять (15, 16), четыре (17–19), три (20–23), два (24, 26) или один (13, 27) раз. Композиция песни строится в форме диалога дочери с отцом, которая притворяется смертельно больной и добивается его согласия на замужество.

Несмотря на то что повторность лейтмотива придает диалогу оттенок угрозы, запугивания – Филиппова Даша страшит родных (18), отца она каждый день пугает (25), отца пугает, мать устрашает (26), – в целом песня имеет юмористический характер. Не случайно самая ранняя публикация текста песни сопровождается комментарием: «Эту песню любят мордвы и поют ее чаще прочих, даже

в веселых хороводах» (20), другой вариант размещен в разделе «Шуточные и сатирические песни» тома «Лирические песни» (19)⁷.

Поэтому при характеристике песен 2-й группы можно говорить о трансформации мотива предсказания собственной смерти в лейтмотив мнимой болезни дочери, ее притворства, даже шантажа. Известные фольклористы Н. И. и Л. Б. Бояркины в издании 2024 г. отнесли мокшанский вариант этой песни к тематической группе «О поисках жениха» с сюжетом «Мнимое желание девушки умереть, покупка жениха» (18).

Во всех поволжских, заволжских и сибирских вариантах песни лейтмотив мнимого умирания дочери чередуется с мотивом «Отец просит дочь не умирать, предлагая отвергаемые ею дары». Формируется рефренная композиция песни, завершающаяся предложением последнего дара, после которого девушка выздоравливает и благодарит отца. Таким образом, в песнях 2-й группы формируется следующая сюжетная схема, протяженность которой зависит от количества подарков (предложенных даров):

- 1 блок – дочь мнимо болеет и говорит отцу, что умрет в определенное время;
– отец просит дочь не умирать, предлагает ей дары;
– дочь отвергает дары.
- 2 блок – дочь говорит отцу о мнимой смерти;
– отец просит дочь не умирать, предлагая ей последний дар (работника, парня);
– дочь выздоравливает от мнимой болезни, благодарит отца.

В качестве отвергаемых даров отец, реже брат (18), мать (22), предлагают:

1) *дары, связанные с собственным хозяйством:*

а) семь полей (14–16, 24), три поля (20, 23, 25) засеянного хлеба, самое лучшее поле (19) – при тебе будут (20), сильный дождь, град побьет (14–16, 25), сильный ветер сдует, в поднебесье поднимет (24), как хлеба повалены, так и сам согнись (19);

б) три стада (19, 22, 23, 26), семь гуртов (15, 16, 24), целое поле (17) скота, 30 овец в стаде (20), три табуна коней (25) – не нужно (22), при тебе будут (20), тяжелый мор убьет (15), однодневный мор возьмет, передохнут (24), стригущий мор изъест шерсть, повальный мор нападет (19), голодный волк передумит / съест (16, 17, 26), сильный ветер разгонит, в глубокой воде утонут (26), страшный гром побьет (25);

в) семь гумен с копнами (15, 24), три гумна (10, 22), семь амбаров (15) хлеба, три амбара с хлебом, добром, богатством (26), пятистенный домик (16), три сосновых дома (10), огород молодой (17), по трем пасакам ульи (19) – огонь сожжет (15, 10), огонь сожжет, в небо поднимет (16, 17, 24), сильный вихрь поднимет к небу (10), сильный гром возьмет (15), мор нападет, пасеки сгинут (19);

2) *дары, покупаемые на базаре:*

а) калач (17), калачи (18), белый калач, сладкий медовый пряник (21) – на твои поминки будет (17, 18, 21);

б) фата (18), парчовая фата и зеленый кушак (16) – укрыть тебя (18), фата на лицо в гробу, кушак для спуска гроба в могилу (16);

⁷ Имеется также мокшанский вариант песни (22), приуроченной к предсвадебному периоду (исполняется во время окончательного сватовства (сговора) по пути к дому невесты).

в) коты (18) – ноги сломать тебе (18).

В качестве последнего предлагаемого дара, после которого девушка выздоравливает, выступают:

1) хороший / понравившийся один из 7, 30, 77 работников, 12 приказчиков (15–17, 20, 22–24), самый хороший гуртовщик (14), любой пастух (13), хороший портной (26);

2) купленный на базаре парень (18), белокурый паренек, кудрявый молодец (19);

3) привезенный из Москвы купец (21).

Все сибирские варианты песни относятся ко 2-й сюжетной группе песен о мнимо умирающей дочери и получении жениха / работника (13, 16, 26) или московского купца (21).

Структура песенного варианта, записанного в Алтайском крае (27), отличается от других образцов. В алтайском варианте отсутствует характерная для данной сюжетной группы рефренная композиция песни с сохранением ее тематики: мотив мнимо умирающей дочери исполняется только один раз, после чего перечисляются все обещанные дары (пасека пчел, большое поле хлеба, полный двор скотины) с редуцированием последнего дара (работника, парня). Таким образом, выстраивается трехчастная композиция песенного текста: 1) описание дочери; 2) мотив мнимо умирающей дочери; 3) перечисление трех обещанных даров. Поскольку в песне отсутствуют традиционная рефренная форма и смыслообразующая концовка песни, стройность композиции поддерживается арочной конструкцией, за счет обрамления тематического блока обещанных даров обращением отца ('Не умирай / не пропадай, Суляма / доченька'). Подобное арочное обрамление тематического блока обещанных даров также характерно для композиции другого сибирского образца из Кемеровской области (26).

Кемеровский (26) и алтайский (27) варианты песни, записанные у эрзя-мордовских переселенцев с разницей во времени более 60 лет, также объединены вступительным блоком описания девушки:

Кемеровский вариант (26),
с. Рождествено, 1924

У одного эрзянина-боярина три жены / супруги, у трех жен один ребенок / дитя, ее зовут Суляна.

Алтайский вариант (27),
с. Борисово, 1986

У одного татарина из Казанской губернии / Казани три жены / законные супруги, у трех жен один ребенок / дитя.
По имени не называют, зовут Суляма, доченька.

Подобное описание субъекта песни (девушка – единственная дочь отца, у которого три жены) не находит отражения в опубликованных поволжских и заволожских вариантах песни⁸, однако имеется отсылка к рукописному фонду НИИГН⁹.

⁸ Отметим только эрзянскую песню, записанную в Самарской области, «Илькань Буёсь» (Ильин Буё), главный персонаж которой богат сосватанными женами, славен женами законными, имеет три сосватанные жены. См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Общ. ред. И. К. Инжеватова, Э. В. Померанцевой. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 1, кн. 1: Эпические и лиро-эпические песни. С. 168–170.

⁹ В упомянутой рукописной работе (см. выше, примеч. 1) Л. С. Кавтаскин ссылается на архивный источник (л. 256, Р.Ф. ин. св. 105, тет. 5), описывая сюжет песни, который сопоставим с алтайским вариантом (27): «единственная дочь татарина страшит своего отца, имеющего трех жен, что умрет в первый день Пасхи».

При анализе вступительного блока, предваряющего лейтмотив мнимой болезни дочери, заметны параллели между более поздним кемеровским вариантом песни (Павловка, 1983) и текстом, записанным М. Е. Евсевьевым и опубликованным в 1928 г.:

Кемеровский вариант (16),
с. Павловка, 1983

Девушка удалась рождением, на мольбу идет с непокрытой головой, стирать – без головного убора; в 7 рядов кудри, 8-й поверх головы, 9-й по концу косы.

Сглазили Акулину через кудри, 7 лет болела / чахла (описание кошмы, подушки, шубы).

Поволжский вариант (17)
без указания места и времени записи

Девушка хорошая, кудри в 7 рядов, идет тесто месить без завязи, идет полоскать с непокрытой головой, идет работать без рукавиц; бабушка говорит девушке не ходить с непокрытой головой, предупреждает о сглазе.

Сглазили Акулину, год болела (описание постели, подушки, шубы).

Несмотря на то что поволжский вариант опубликован без указания места записи, известно, что кемеровский вариант песни записан в 1983 г. от исполнительницы М. Ф. Тятюшкиной, переехавшей в Сибирь в 1937 г. из с. Семилей ныне Кочкуровского р-на Республики Мордовия. Следует отметить, что мотив сглаза девушки и ее болезни, представленный в анализируемом тексте (16), появляется и в других песнях репертуара данной сибирской исполнительницы (например, в песне «Вай, велись, велись, од Кочкор-велись»).

При рассмотрении сибирских вариантов песни также обращает на себя внимание наличие редкого для автохтонных традиций вступительного тематического блока о девушке, заговорившей в утробе матери, отмеченный в образцах из г. Норильска (13) и с. Павловка Кемеровской области (16).

Особенности жанровой реализации. Выводы

Итак, общий мотив *девушка болеет и говорит родственнику, что умрет в определенное время* получает разное значение в двух сюжетных группах рассмотренных песен. В 1-й сюжетной группе мотив свидетельствует о нежелании девушки выходить замуж, которая предсказывает собственную смерть, во 2-й – мотив маркирует мнимо болеющую, умирающую девушку, которая притворством добивается согласия отца на замужество.

Вместе с тем анализ песенных текстов 1-й и 2-й сюжетных групп показывает, что мотив является общим признаком наличия *недостачи*. В рассмотренных мордовских песенных сюжетах недостатка проявляется в отсутствии у девушки желаемого парня / жениха. Поэтический мотив предсказания смерти и / или мнимой болезни является толчком в развертывании сюжета по двум направлениям: первое связано с завещанием девушки о своих похоронах, нетипичном погребении и ее чудесном оживлении брачным партнером высокого статуса; второе – с перечислением отвергаемых девушкой даров и ее выздоровлением от мнимой болезни после предложения работника / парня / купца.

В качестве посредника во всех случаях выступает отец девушки (реже мать или брат), который (1) выполняет ее завещание о погребении или (2) пытается излечить от мнимой болезни, предлагая дары.

В каждой из сюжетных линий недостаха ликвидируется, согласно логике сюжетного развития, с опорой на разные способы организации событийного ряда: в первом случае реализуется линейная, повествовательная схема с последовательным развертыванием сюжета; в песнях второй группы реализован кумулятивный тип изложения, при котором движение сюжета задается повторением (мотив мнимо умирающей дочери перемежается с мотивом обещанных и отвергнутых даров). Таким образом, формируются два композиционных типа песенных текстов – *повествовательный* и *кумулятивный*, которые также имеют разное жанрово-тематическое содержание.

Линеарно-повествовательный тип изложения событийного ряда координирован с жанром волшебного-фантастического сказок-песен, а кумулятивный принцип организации сюжета – с шуточно-сатирическими песнями. Обе группы, отличающиеся типом изложения, сюжетикой и жанром, объединены общим поэтическим мотивом, который получает различное семантическое значение в разных сюжетных и жанровых контекстах.

Среди проанализированных текстов есть три песенных образца смешанного типа (10, 14, 25), в которых совмещаются принципы, характерные для 1-й и 2-й сюжетных групп, что лишь подтверждает наличие двух разных сюжетных стратегий (повествовательной и кумулятивной), в которых реализуется поэтический мотив.

Определение сюжетно-мотивного состава проанализированных песен позволило установить корреляции песен 1-й сюжетной группы со сказочным сюжетом 709 «Мертвая царевна» или K129 «Заколдованная оживлена», что дополняет полученные ранее результаты изучения эрзянских песен с мифологическими и сказочными сюжетами в репертуаре мордвы-эрзи Кемеровской области (313A «Юноша обещан Морскому царю» или L94 «Обещанный демону», 510A «Золушка» и др.) [Шахов и др., 2024].

С некоторой долей вероятности можно предположить, что повествовательная сюжетика песен 1-й группы, сквозь которую проявились архаические ритуально-обрядовые и мифологические аспекты традиционной культуры мордовского народа, могла стать основой для дальнейшего развития и появления песен 2-й группы с текстами кумулятивного типа и шуточно-сатирического жанрового наклонения, текстовые варианты которых сохранились в мокшанских и эрзянских, в том числе в переселенческих традициях сибирского бытования.

Список литературы

- Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. 120 с.
- Виноградова Л. Н. Фольклорные мотивы повествовательных и не повествовательных текстов: практика составления указателей сюжетов и мотивов // Традиционная культура. 2022. Т. 23, № 2. С. 155–163.
- Евсеев М. Е. Избранные труды: В 5 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 2: Народные песни мордвы. 412 с.; 1964. Т. 3: Мордовские народные сказки и загадки. 412 с.
- Кондратьев М. Г. О теории национальной музыки: к методологии сравнительного изучения фольклорных музыкально-поэтических систем // Проблемы музыкальной науки. 2020. № 4. С. 8–19.
- Корабельников Д. В. Наземно-воздушные погребения у городецких племен и древней мордвы (по материалам археологии, этнографии и фольклора финно-

угров Поволжья) // Записки краеведов. Нижегородская область. Н. Новгород: Книги, 2008. Вып. 12. С. 45–53.

Рогачев В. И. «Свадьба по умершей» у эрзи и мокши // Живая старина. 2011. № 3. С. 28–30.

Рогачев В. И., Ваганова Е. Н. К вопросу о воздушных захоронениях финно-угорских народов (по материалам обрядов и фольклора) // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 1 (60). С. 143–154.

Силантьев И. В. Теория мотива и проблемы мотивного анализа. М.: ЯСК, 2024. 368 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В. Фольклор мордвы-эрзи Кемеровской области в контексте автохтонной традиции (неприуроченные песни с мифологическими и сказочными сюжетами) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, вып. 2. С. 193–206.

References

Andreev N. P. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Index of fairy-tale plots according to the Aarne system]. Leningrad, 1929, 120 p.

Evsev'ev M. E. *Izbrannyye trudy: v 5 t.* [Selected works: in 5 vols.]. Saransk, Mord. kn. izd., 1963, vol. 2: *Narodnyye pesni mordvy* [Mordvinian folk songs], 412 p.

Evsev'ev M. E. *Izbrannyye trudy: v 5 t.* [Selected works: in 5 vols.]. Saransk, Mord. kn. izd., 1964, vol. 3: *Mordovskiye narodnyye skazki i zagadki* [Mordvinian folk tales and riddles], 412 p.

Kondrat'ev M. G. O teorii natsional'noy muzyki: k metodologii sravnitel'nogo izucheniya fol'klornykh muzykal'no-poeticheskikh sistem [On the theory of national music: towards a methodology for the comparative study of folklore musical-poetic systems]. *Music Scholarship*. 2020, no. 4, pp. 8–19.

Korabel'nikov D. V. Nazemno-vozdushnyye pogrebeniya u gorodetskiykh plemen i drevney mordvy (po materialam arkheologii, etnografii i fol'klora finno-ugrov Povolzh'ya) [Ground-air burials among the Gorodets tribes and ancient Mordva (based on materials from archaeology, ethnography, and folklore of the Finno-Ugric peoples of the Volga region)]. In *Zapiski krayevedov. Nizhegorodskaya oblast'* [Notes of local historians. Nizhny Novgorod region]. Nizhny Novgorod, Knigi, 2008, iss. 12, pp. 45–53.

Rogachev V. I. "Svad'ba po umershey" u erzi i mokshi ["Wedding for the deceased" among the Erzya and Moksha]. *Zhivaya starina*. 2011, no. 3, pp. 28–30.

Rogachev V. I., Vaganova E. N. K voprosu o vozdushnykh zakhoroneniyyakh finno-ugorskiykh narodov (po materialam obryadov i fol'klora) [On the issue of air burials among Finno-Ugric peoples (based on ritual and folklore materials)]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2025, vol. 15, no. 1 (60), pp. 143–154.

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. Fol'klor mordvy-erzi Kemerovskoy oblasti v kontekste avtokhtonnoy traditsii (nepriurochennyye pesni s mifologicheskimi i skazochnymi syuzhetami) [Erzya-Mordovian folklore of the Kemerovo region in the context of the autochthonous tradition (songs performed at any time with mythological and fairy-tale plots)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024, vol. 18, iss. 2, pp. 193–206.

Silantev I. V. *Teoriya motiva i problemy motivnogo analiza* [Theory of the motif and problems of motif analysis]. Moscow, LRC Publishing House, 2024, 368 p.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: vostochnoslavvanskaya skazka [Comparative index of plots: East Slavic fairy tale]. L. G. Barag et al. (Comps.). Leningrad, Nauka, 1979, 437 p.

Vinogradova L. N. Fol'klornyye motivy povestvovatel'nykh i nepovestvovatel'nykh tekstov: praktika sostavleniya ukazateley syuzhetov i motivov [Folklore motifs in narrative and non-narrative texts: the practice of compiling indices of plots and motifs]. *Traditional Culture*. 2022, vol. 23, no. 2, pp. 155–163.

Информация об авторе

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Pavel S. Shakhov, Candidate of Art Criticism, Leading Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.06.2026;

одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 20.07.2026

The article was submitted on 21.06.2026;

approved after reviewing on 20.07.2026; accepted for publication on 20.07.2026